

С. Дубнов

**Об изучении истории русских
евреев и об учреждении
Русского-еврейского
исторического общества**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. Дубнов**
Об изучении истории русских евреев и об учреждении Русского-еврейского исторического общества / С. Дубнов – М.: Книга по Требованию, 2018. – 95 с.

ISBN 978-5-518-02561-5

ISBN 978-5-518-02561-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ИСТОРИИ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ

И ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ РУССКО-ЕВРЕЙСКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Historiam nescire id est semper
esse parvum;

I.

Сознательное отношеніе къ прошедшему, какъ мѣрло духовнаго развитія.

„Не знать исторіи значитъ всегда быть младенцемъ“—говоритъ Цицеронъ. Если это мудрое изреченіе примѣнимо не только къ отдѣльной личности, но и къ народу, то несомнѣнно, что мы, русскіе евреи, въ дѣлѣ историческаго самопознанія еще не вышли изъ состоянія младенчества, ибо мы почти вовсе не знаемъ своей исторіи на землѣ, обитаемой нами уже восемь вѣковъ, и, повидимому, не чувствуемъ даже особенной потребности съ нею познакомиться.

Лаконическое изреченіе Цицерона заключаетъ въ себѣ глубокую психологическую истину, которую не всякій сразу замѣтитъ. Дѣйствительно, *сознательное отношеніе къ прошедшему* можетъ служить точнымъ мѣриломъ духовной зрѣлости и полноты внутренней жизни мыслящаго существа. Ребенокъ живетъ исключительно *настоящимъ* съ его минутными радостями и печалями; будущее рисуется ему только въ образѣ обѣщанныхъ наградъ или наказаній за то или другое поведеніе; прошедшее же, т. е. сумма пережитыхъ впечатлѣній, никогда не представляется его уму въ цѣломъ и въ логической причинной связи со своими многосложными, для дѣтскаго разума неуловимыми, послѣдствіями, а только мелькаетъ въ его памяти въ видѣ отрывочныхъ, смутныхъ картинъ чисто-рефлективнаго свойства. Позже, по мѣрѣ при-

ближенія человѣка къ зрѣлости и расширенія его умственнаго кругозора, вырастаетъ, рядомъ съ этимъ узкимъ дѣтскимъ „культомъ настоящаго“, гораздо болѣе сложный культъ *будущаго*. Болѣе развитое чувство самосохраненія и болѣе ясное пониманіе причинной связи явленій побуждаютъ взрослого человѣка думать не только объ интересахъ минуты, о „злобахъ дня“, но и въ большей еще мѣрѣ — о послѣдствіяхъ извѣстныхъ поступковъ, о цѣлесообразности ихъ, о значеніи тѣхъ или другихъ фактическихъ комбинацій для будущихъ, заранѣе намѣченныхъ цѣлей. Само понятіе о „будущемъ“ прогрессивно растетъ вмѣстѣ съ развитіемъ и расширеніемъ сознанія: начинаясь съ будничнаго представленія о „завтрашнемъ днѣ“, оно въ человѣкѣ съ обширнымъ кругозоромъ доходитъ до многообъемлющаго представленія объ отдаленномъ будущемъ и охватываетъ весьма длинную цѣпь причинъ и слѣдствій. Чѣмъ яснѣе и шире это понятіе, тѣмъ богаче внутренняя жизнь человѣка. Въ житейскомъ быту способность къ сложнымъ умственнымъ комбинаціямъ относительно будущаго называютъ дальновидностью, проницательностью. И если человѣкъ съ такими качествами, въ силу извѣстныхъ нравственныхъ побужденій, посвящаетъ свои силы дѣятельности общественной и вноситъ въ нее ту же дальновидность, то его умственное превосходство дѣлается общепризнаннымъ. Словомъ — во всѣхъ сферахъ практической дѣятельности сознательное отношеніе къ будущему признается вѣрнѣйшимъ мѣриломъ духовнаго развитія данной личности.

Но есть еще иное, высшее и болѣе идеальное мѣрило глубины человѣческаго сознанія: это — сознательное отношеніе къ *прошедшему*. Пониманіе будущаго, даже самое тонкое, доходящее до способности предвидѣнія, все-таки тѣсно связано съ интересами и стремленіями практическими; оно всецѣло основано на началѣ *цѣлесообразности*, т. е. на умѣннн направляетъ свои дѣйствія къ достиженію желательныхъ результатовъ, и требуетъ наиболѣе знанія вѣдшихъ житейскихъ фактовъ; стало быть, этимъ пониманіемъ измѣряется только практической умъ, разсудочная способность, но не умъ теоретическій, не сила мышленія или *духъ* въ широкомъ смыслѣ слова. Болѣе точнымъ *динамометромъ духа* служить сознаніе прошедшаго. Это сознаніе высту-

часть за предѣлы практицизма, оно не связано непосредственно съ какими либо утилитарными соображеніями, но заключается всецѣло въ уясненіи (путемъ изученія фактовъ и впечатлѣній прошлаго) общихъ законовъ развитія данной личности или даннаго народа. Основное начало здѣсь — *законосообразность* (*психологическая* — въ развитіи личности, *историческая* — въ развитіи народа); конечная цѣль — *самопознаніе*. Наши наклонности, убѣжденія, характеръ — составляютъ сложный продуктъ всей суммы пережитыхъ нами ранѣе впечатлѣній; нашъ такъ называемый душевный складъ есть собственно только накопленный, наслоенный опытъ прошлаго, переработанный мышленіемъ и кристаллизовавшийся въ извѣстной формѣ. Постичь процессъ этого постепеннаго наслоенія и кристаллизаціи душевныхъ элементовъ значитъ познать себя, понять ходъ своего развитія. Духъ, познающій лишь внѣшніе факты, а не самого себя, не можетъ быть совершеннымъ, вполне зрѣлымъ. Выспеку ступенью и вѣндомъ *знанія* должно быть *самопознаніе*. Отрѣзать свое прошедшее отъ настоящаго и будущаго значитъ разрубить естественную цѣпь причинъ и слѣдствій, жить лишь малою частью своихъ впечатлѣній, обречь себя на вѣчное младенчество духа, быть неполнымъ, недѣльнымъ, быть какъ бы отрывкомъ мыслящаго существа. Только ясно познавая себя и все внѣ насъ на *всѣмъ* протяженіи нашего существованія, мы можемъ сказать, что мы вполне сознательныя существа, разумѣется — въ предѣлахъ ограниченнаго и условнаго пониманія человѣческаго.

Вся эта цѣпь умозаключеній, очевидно, равно примѣнима и къ отдѣльной личности, и къ народу, какъ къ особи коллективной. Знаніе и пониманіе своихъ историческихъ судебъ — вотъ мѣрило сознательной жизни народа. Конечно, не весь народъ сплошь можетъ жить такою полною сознательною жизнью; но чѣмъ больше въ немъ такихъ людей мысли, такихъ изыскателей прошедшаго и знатоковъ души народной во всѣхъ стадіяхъ ея развитія, тѣмъ выше уровень сознанія самого народа, ибо духовные представители все-таки руководятъ массою и постепенно прививаютъ ей свое міросозерцаніе, въ видѣ готовыхъ выводовъ изъ своихъ историческихъ наблюденій.

Замѣтны-ли у насъ въ настоящее время въ мыслящихъ

словах общества признаки такого исторического самосознания?—Нѣтъ, ни малѣйшихъ. Мы не только не *сознаемъ*, не понимаемъ нашего прошедшаго, но просто не *знаемъ* его фактически и какъ будто не хотимъ вѣдать, словно мы—люди вчерашняго дня, безродные, не имѣющіе за собою никакого прошлаго. По правдѣ сказать, мы никогда не удостоивали исторіи своимъ вниманіемъ. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, когда мы впервые получили понятіе о существованіи на Западѣ еврейской исторической науки, мы, подобно дѣтямъ, жили преимущественно интересами *настоящаго*, которое своею новизною, своею свѣжей атмосферой, своимъ „зеленымъ, весеннимъ шумомъ“ опыняло насъ, кружило намъ голову, какъ опыняетъ свѣжій воздухъ человѣка, только что выпущеннаго изъ душевной тюрьмы. Въ послѣднее десятилѣтіе испытывается нѣчто прямо противоположное: настоящее такъ тяжело, такъ непріятно, что мы, отчаявшись въ возможности скорого и радикальнаго его улучшенія, убѣгаемъ отъ него, отвлекаемъ отъ него мысль и всецѣло предаемся или бездѣятельному, душу развѣдающему пессимизму, или восторженнымъ мечтаніямъ о возрожденіи Израиля въ *будущемъ* на другой почвѣ... Мы бѣжимъ отъ этого настоящаго и, подобно Лотовой семьѣ, боимся оглянуться назадъ. Презрѣніе къ настоящему распространяется и на прошедшее. Идти впередъ *безъ оглядки*—вотъ лозунгъ нынѣшнихъ „практическихъ дѣателей“. Такъ велитъ простой инстинктъ самосохраненія: удалиться отъ всего, что причиняетъ боль. Односторонность и узость мысли служатъ намъ какъ бы щитомъ. Вездѣ господствуетъ культъ умышленнаго невѣжества. Одни вовсе упразднили знаніе и размышленіе, другіе держатся какъхъ-то крошечныхъ идеевъ или пробавляются мечтаніями. Бесиліе и младенчество духа—характеристическія черты переживаемаго времени.

Должно-ли быть такъ? Должны-ли мы дѣйствительно, въ виду невзгодъ времени, „забыться и заснуть“, умышленно закрывать глаза на прошедшее, жить „безъ оглядки“? Неужели, кромѣ безнадежныхъ пессимистовъ, спасающихся наввною вѣрою мечтателей, или узко-практическихъ дѣателей, не найдется между нами людей мысли и обширнаго знанія, идеалистовъ, разъяснителей историческихъ судебъ народа, двигателей народнаго самосознанія? Развѣ горе должно при-

тупить и сзудить нашъ духъ, а не напротивъ — изодрить и углубить его, непрестанно побуждать къ самоислѣдованію? И неужели нынѣ, среди смятенія, уже потеряла для насъ всякое значеніе великая надпись, начертанная древле на вратахъ Дельфійскаго храма: *Познай самого себя!*—эта священнѣйшая заповѣдь мыслящаго человѣчества?..

Нѣтъ, не можетъ быть! Мы не можемъ и не должны обречь себя на умственный застой, не должны выбирать только между тупою апатіей и узкимъ практицизмомъ, не должны лишиться себя той внутренней мощи, которую даетъ только глубокое самоислѣдованіе. Думать иначе значило бы преднамѣренно заковать душу народную, сзудить и затемнить нашу *національную идею*, которая въ сущности тождественна у насъ съ *историческимъ сознаніемъ*.

II.

Историческое сознаніе, какъ основа еврейской національной идеи, и мировое значеніе еврейской исторіи.

Слѣдуетъ всегда отличать (что, къ сожалѣнію, весьма рѣдко дѣлается) національную *идею* отъ національнаго *чувства*. Национальное чувство есть нѣчто непосредственное, присутствующее въ большей или меньшей степени въсѣмъ членамъ націи, какъ родовая или фамиліальная привязанность. Это чувство имѣетъ свои приливы и отливы, смотря по тому—приходится-ли націи, въ силу исключительныхъ условій, отстаивать свою индивидуальность или нѣтъ. Однако, будучи сложнымъ психическимъ явленіемъ, а не простымъ инстинктомъ, это чувство допускаетъ идейный анализъ, т. е. люди мыслящіе и сознательные могутъ уяснить себѣ происхожденіе, развитіе и причину сохраненія національнаго чувства въ данной народности въ силу извѣстныхъ историческихъ фактовъ или идей, ставшихъ національнымъ достояніемъ. Выводы, къ которымъ приводитъ такой анализъ, объединенные и обобщенные, составляютъ содержаніе *національной идеи*. Задача послѣдней—*осмыслить* національное чувство и дать ему духовную санкцію въ глазахъ тѣхъ, которые однимъ бессознательнымъ чувствомъ не удовлетворяются.

Въ чемъ же сущность нашей именно, еврейской національной идеи? Иначе говоря, изъ чего состоитъ тотъ цементъ,

который связывает и объединяет насъ въ одинъ сложный организмъ? Матеріальныхъ признаковъ націи—территоріи и государства—у насъ давно уже нѣтъ. Ихъ замѣняютъ начала абстрактныя: религія и происхожденіе. Это, безспорно, два могущественныхъ фактора, но они-ли одни поддерживаютъ національную связь еврейства? Нѣтъ, ибо, допуская такое положеніе, мы должны были бы также допустить, что ослабленіе религіозныхъ началъ въ свободомыслящихъ евреяхъ и расовыхъ особенностей въ „культурныхъ“ слояхъ еврейства должно соотвѣтственно ослабить или даже совершенно распатать наши національные устои,—чего, однако, на самомъ дѣлѣ не видимъ. Напротивъ, мы обыкновенно видимъ людей передовыхъ, подчасъ даже религіозно-индифферентныхъ и „libres penseurs“, въ авангардѣ всѣхъ нашихъ національных движеній. Что же ихъ-то привязываетъ къ народу, принадлежность къ которому въ большинствѣ случаевъ есть подвигъ, нерѣдко сопровождаемый даже мученичествомъ? Значитъ, есть нѣчто общее и всеобъемлющее, что связываетъ въ единое цѣлое людей самыхъ разнообразныхъ воззрѣній и культурныхъ состояній. Это „нѣчто“ есть *общность историческихъ судебъ* всѣхъ разрозненныхъ частей еврейства. Насъ связываютъ общія воспоминанія о нашемъ богатомъ событіями прошедшемъ, о нашей былой славѣ, о нашихъ многовѣковыхъ страданіяхъ, о нашемъ бѣдственномъ скитальчествѣ; объединяетъ насъ безконечная цѣпь пережитыхъ нашими предками однородныхъ впечатлѣній, вѣками накопившихся въ еврейской душѣ и оставившихъ тамъ извѣстный прочный осадокъ ¹. Словомъ, общеврейская національная идея основана главнымъ образомъ на *историческомъ сознаніи*.

¹ „Нація,—говоритъ Ренанъ,—есть душа, начало духовное. Двѣ вещи, представляющія въ сущности нѣчто единое, составляютъ эту душу, это духовное начало. Одна заключается въ прошедшемъ, другая—въ настоящемъ. Одна есть обладаніе сообща богатимъ запасомъ воспоминаній; другая заключается въ согласіи и желаніи продолжать совместную жизнь и въ настоящемъ и сохранить въ цѣлости общее наследіе... Нація, подобно человѣку, является плодомъ длиннаго ряда усилій, жертвъ и привязанностей въ прошедшемъ. Героическое прошлое, великіе люди, слава—вотъ общественный капиталъ, на которомъ выдѣляется національная идея! Иметь общіе подвиги въ прошедшемъ и общую волю въ настоящемъ, совершить сообща великія дѣла и желать еще совершить ихъ—вотъ существенное условіе бытія народаго. Наша взаимная привязанность пропорциональна жертвамъ, принесеннымъ нами для общаго дѣла, горю, нами вмѣстѣ перенесенному... Общія слава и униженія въ прошедшемъ; стремленіе осуще-

Отсюда прямо вытекаетъ, что чѣмъ глубже и яснѣе это историческое сознание, тѣмъ вѣрнѣе національная идея. Историческому же *сознанію* должно предшествовать *знаніе* историческихъ фактовъ. И вотъ гдѣ великое всенародное значеніе еврейской исторіи!..

Но, кромѣ своего національнаго значенія, еврейская исторія *въ цѣломъ* имѣетъ еще *значеніе міровое*, какъ оригинальнѣйшая часть исторіи всемірной. Во первыхъ, это—единственный примѣръ народной исторіи, проходящей, какъ центральная ось, черезъ всю исторію человѣчества, отъ одного ея полюса до другого, и органически связанной со всѣми вѣками, всѣми культурами и почти всѣми странами. Еврейская исторія—такой же *unicum*, какъ еврейскій народъ. Подобной ей, однородной съ ней—не найти. Если классифицировать народы на не-историческіе (дикари, некультурные, слившіеся съ другими) и историческіе (древніе и новые культурные народы), то еврейскій народъ придется признавать историческимъ въ превосходной степени (*historicissimus*), такъ какъ онъ выступилъ на арену исторіи съ ранняго дѣтства человѣчества и едва-ли когда выбудъ съ нея сойдеть.

Этому безпримѣрному *объему* общеврейской исторіи соответствуетъ ея своеобразный *качественный составъ*. Ибо вотъ уже почти двѣ тысячи лѣтъ, какъ она представляетъ собою единственный примѣръ *исторіи безгосударственнаго народа*, который съ лишеніемъ своей территоріи не лишился, однако, своей культурной и духовной самобытности. Это—безпрерывная цѣпь фактовъ внутренней, общественной и духовной жизни націи, осыненной терновымъ вѣнкомъ мученичества. Это—единственная исторія безъ вѣншихъ войнъ, безъ государственныхъ переворотовъ, безъ политики и дипломатіи, словомъ—безъ всего того, что наполняетъ исторіи

стать одну и ту же программу въ будущемъ, общія историческія страданія, радости, надежды—все это имѣетъ для націи большее значеніе, нежели общія таможни или границы, устроенныя на основаніи стратегическихъ соображеній. Я сказалъ: „общія страданія“; да! ибо страданіе совѣстное объединяетъ людей больше, чѣмъ совѣстная радость. Въ національныхъ поминаніяхъ трауры важнѣе триуфовъ, такъ какъ первыя налагаютъ обязанности и порождаютъ общія усилія.—И такъ,—кончаетъ Ренанъ,—нація — это великое единеніе, созданное сознаніемъ принесенныхъ уже и имѣющихъ быть принесенными (для народнаго блага) жертвъ. Понятіе о націи предполагаетъ непремѣнно извѣстное промежутокъ... (Qu'est ce qu'une Nation“, 2-е edition, Paris, 1882, pp. 26—27).

другихъ народовъ и поражаетъ своей однообразностью, подчасъ даже безъидеальностью. Одинъ весьма умный писатель замѣтилъ, что „въ исторіи евреевъ насъ поражаютъ не блестящія внѣшнія событія, не побѣды, завоеванія и т. п., но *чудная внутренняя жизнь народа*, которому суждено было занять такое важное мѣсто въ развитіи новѣйшей цивилизаціи. Съ какою бы стороны ни объяснять и толковать событія еврейской исторіи,—она никогда не будетъ имѣть особеннаго интереса въ глазахъ война и политика; но за то сколько завлекательныхъ и интересныхъ сторонъ представляетъ она для *мыслителя!*“ Дѣйствительно, *исторія евреевъ есть самая философская, идейная и нравоучительная часть всеобщей исторіи*. Передъ вами—картина непрерывнаго развитія духа, превозмогающаго страданія плоти. Даже уклоненія и аномаліи этого развитія въ высшей степени поучительны. Свообразный, исключительный строй прошедшей общественной жизни евреевъ можетъ навести социолога на самыя глубокія размышленія и дать ему новыя теоремы. Мыслитель и моралистъ могутъ найти въ исторіи духовной жизни еврейства непочатый матеріалъ для самыхъ глубокомысленныхъ философскихъ построеній! Да, мы увѣрены, что настаетъ время, когда всё это поймутъ—и тогда двухтысячелѣтняя исторія еврейскаго народа въ Европѣ сдѣлается такою же настольною книгою *мыслящаго* человѣчества, какою уже давно сдѣлалась для *вѣрующаго* человѣчества ветхозавѣтная, библейская исторія этого самаго народа...

О значеніи исторіи евреевъ, какъ предмета *спеціальной науки іудейства*, едва-ли есть надобность распространяться. Если такая спеціальная наука—*scientia judaica*—существуетъ, то, конечно, первенствующая въ ней роль должна принадлежать еврейской исторіи. Всѣ прочія отрасли еврейской науки—еврейская филологія, археологія, натуралистическія и юридическія изслѣдованія въ области библейско-талмудической письменности, библиографія, экзегетика—должны занимать подчиненное, служебное положеніе по отношенію къ исторіи. Изслѣдованіе прошлыхъ судебъ нашего народа, изслѣдованіе непрерывное, неутомимое, отыскивающее все новое и новые факты, создающее все новыя обобщенія,—вотъ задача наиболѣе достойная тѣхъ, которые претендуютъ на званіе „еврейскихъ ученыхъ“. Подобныя изысканія и от-

крытія могутъ поглотить еще силы цѣлаго ряда поколѣній ученыхъ и мыслителей, и по мѣрѣ умноженія такихъ научныхъ изслѣдованій будетъ пополняться и совершенствоваться еврейская исторія, которая нынѣ, не смотря на всѣ успѣхи, сдѣланные въ ея области, все еще пребываетъ въ первоначальномъ фазисѣ своего развитія, ибо многія ея части совершенно не изслѣдованы.

Все это поняли наши братья на Западѣ. Съ полвѣка тому назадъ тамъ взялись за великое дѣло строенія еврейской исторіи. Строительная работа продолжается съ большимъ или меньшимъ усердіемъ и понинѣ, поражая иногда своими блестящими результатами и гениальными архитектурными комбинаціями,—а зданіе все еще не увѣнчано и далеко ему до конца. Въ этомъ убѣдить насъ краткій обзоръ развитія еврейской исторіографіи на Западѣ. Такой обзоръ необходимъ для насъ, русскихъ евреевъ, еще какъ указаніе на *опытъ прошлаго*, могущій научить насъ многому въ предстоящей намъ самой исторической работѣ.

III.

Состояніе еврейской исторической науки на Западѣ.

Разработка еврейской исторіи на Западѣ началась при такихъ условіяхъ, которыя насъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, могутъ навести на весьма назидательныя размышленія. Это было на рубежѣ второго и третьяго десятилѣтій настоящаго вѣка. Надъ Европой и особенно надъ Германіей нависла тяжелая туча реакціи. Люди сжигали то, чему прежде поклонялись: принципы свободы, равенства и человѣческаго братства. Юдофобія, эта отвратительная ночная сова, спрятавшаяся—было при первыхъ проблескахъ разсвѣта, почуввъ мракъ, вновь появилась „на вершинахъ“ и стала оглашать воздухъ рѣвкими, злобѣщими криками. Чернь услышала эти крики—и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городахъ совершила безчинства надъ евреями (1819 г.). То же, только въ иной формѣ, дѣлала умственная чернь въ книгахъ и газетахъ, съ высоты церковныхъ амвоновъ и университетскихъ кафедръ. Травля евреевъ сдѣлалась потребностью опустѣвшихъ умовъ и очерствѣвшихъ сердецъ. Нѣмецкіе евреи, которые послѣ смерти Мендельсона ринулись—было къ слія-

нію съ нѣмцами и до того усердно „сливались“, что забыли и о своей религіи, и о своемъ великомъ историческомъ прошломъ—теперь опомнились и отступили назадъ. Въ нихъ заговорило сознание. Они поняли, что съ такими священными традиціями, съ такимъ героическимъ прошлымъ постыдно повидать свою вѣковую позицію. Имъ захотѣлось воскресить въ своей памяти прошлое еврейскаго народа, углубиться духомъ въ его исторію, осмыслить и офилософствовать его религію. Для этой цѣли соединились лучшіе люди тогдашняго еврейства Германіи и учредили знаменитое „Общество культуры и науки евреевъ“, имѣвшее свой главный центръ въ Берлинѣ. „Это было въ исходѣ 1819 г.,—рассказываетъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей этого „Общества“,—когда мы собрались въ первый разъ. Во многихъ городахъ германскаго отечества происходили тѣ страшныя сцены, которыя многихъ заставляли предполагать непредвидѣнное возвращеніе въ среднимъ вѣкамъ“. Во главѣ „Общества“ стояли Эдуардъ Гансъ, Моисей Мозеръ и Леопольдъ Цунцъ; примыкали къ нему поэтъ Генрихъ Гейне (интимный другъ названныхъ трехъ главарей), І. Леманъ, І. Рубо, Л. Маркусъ, Вольвиль, И. Якобсонъ, Д. Фридендеръ и Л. Бендавидъ—все лучшіе люди тогдашняго нѣмецкаго еврейства. „Общество“ имѣло свой специальный литературный органъ: „Журналъ для науки іудейства“, редактировавшійся Л. Цунцомъ. Въ „Журналѣ“ помѣщались изслѣдованія историческія и филологическія, а также философскіе трактаты; въ засѣданіяхъ „Общества“ читались рефераты о „принципахъ еврейской исторіи“, о развитіи іудаизма и о началахъ религіозной реформы. „Общество“ просуществовало немногимъ болѣе четырехъ лѣтъ и затѣмъ распалось.

Причину распаденія этого многообѣщавшаго союза исторіки (Штродтманъ, Грець и др.) видятъ обыкновенно въ личныхъ стремленіяхъ и судьбахъ его руководителей: указываютъ на религіозное отступничество Эд. Ганса, на гегельянскія увлеченія Мозера, на поэтическій „Sturm und Drang“ Гейне; но мы думаемъ, что не за этимъ дѣло стало, что причина лежала гораздо глубже—въ самой программѣ „Общества“ и въ способахъ ея осуществленія. Во первыхъ, учредители союза забыли мудрую талмудическую сентенцію: „Если ты черезчуръ много забралъ, то ты ничего не за-